

УДК 82.42
 DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.28

М. В. Шатских

АКТУАЛИЗАЦИЯ РЕАЛИЙ КАК ДИСКУРСООБРАЗУЮЩЕГО МАРКЕРА РОМАНА БОРИСА ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО» В ИНОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье исследуются реалии в знаковом произведении отечественной и мировой литературы в переводческом аспекте. Исходя из представления основных интегративных положений междисциплинарного гуманитарного знания, теория перевода рассматривается как часть теории языка, а процесс перевода позиционируется как инокультурная интерпретация. В этой связи в качестве значимых лингвистических и филологических направлений в области теории языка называются лингвокультурология, филологическая герменевтика. В работе обобщаются частотные виды реалий и способы их реализации в инокультурной интерпретации. Проблема актуализации реалий характеризуется в трех аспектах: 1) при трансляции с ИЯ на ПЯ профессиональным переводчиком; 2) при сравнительно-сопоставительном исследовании результатов инокультурной интерпретации; 3) в прогнозируемом восприятии реакции англоязычного читателя, заинтересованного творчеством значимого в мировой литературе инокультурного автора. В анализируемом произведении отмечается высокая концентрация использования различных видов реалий, актуализирующих предметность, время, место. В силу сложности, которую представляет трансляция реалий оригинального произведения – романа Бориса Пастернака

«Доктор Живаго», их инокультурная интерпретация производится с использованием разных средств – описание, режиссура – уподобление, облегчающее восприятие текста англоязычным адресатом, вместе с тем, утрачивающее лингвокультурную информацию; а также опущение важных для понимания авторского замысла сверхфразовых единств – недопустимая стратегия при переводе, свидетельствующая о безвыходной интерпретационной ситуации. Показано, что адаптивными средствами при трансляции оригинального текста в анализируемом романе являются транскрипция, калькирование, а также, что очень важно, комментарии, данные в сносках. Делается вывод о том, что характер использованных приемов перевода свидетельствует о лингвокультурной насыщенности исходного текста, в котором реалии занимают позицию дискурсообразующего маркера. Результат сравнительно-сопоставительного анализа двух переводов романа выявляет причины разночтений исходного текста при интерпретации реалий: включение когнитивного опыта двух коллективно-авторских вариантов перевода не обеспечивает так называемого объективного толкования.

Ключевые слова: междисциплинарность, интегративность, реалии, маркер дискурсообразования, теория перевода, теория языка, инокультурная интерпретация.

Marina Shatskih

ACTUALIZATION OF REALITIES AS A DISCOURSE-FORMING MARKER OF BORIS PASTERNAK'S NOVEL «DOCTOR ZHIVAGO» IN FOREIGN CULTURAL INTERPRETATION

The article explores the realia in the iconic work of domestic and world literature in the translation aspect. Based on the presentation of the main integrative provisions of interdisciplinary humanitarian knowledge, translation theory is considered as part of the language theory, and the translation process is positioned as a foreign cultural interpretation. In this regard, linguaculturology and philological hermeneutics are called as significant linguistic and philological directions in the field of language theory. The paper summarizes the frequency types of realia and methods of their implementation in a foreign interpretation. The problem of actualization of realia is characterized in three aspects: 1) when broadcasting from SL to TL by a professional translator; 2) in a comparative study of the results of foreign cultural interpretation; 3) in the predicted perception of the reaction of the English-speaking reader, interested in the work of a foreign author who is significant in the world literature. In the analyzed work, a high concentration of the use of various types of realia, actualizing objectivity, time, place, is noted. Due to the complexity of the translation of the realia of the original work - Boris Pasternak's novel "Doctor Zhivago", their foreign

cultural interpretation is carried out using various means - a description, less often an appraisal, which facilitates the perception of the text by an English-speaking addressee, at the same time, losing linguistic and cultural information; as well as the omission of superphrase unities, which are important for understanding the author's intent, is an unacceptable translation strategy, indicating a hopeless interpretation situation. It is shown that transcription, tracing, and, what is very important, comments given in footnotes are adaptive means for translating the original text in the analyzed novel. It is concluded that the nature of the translation techniques used indicates the linguistic and cultural richness of the source text, in which realities occupy the position of a discourse-forming marker. The result of a comparative analysis of two translations of the novel reveals the reasons for the discrepancies in the source text in the interpretation of realities: the inclusion of cognitive experience in two collective author versions of the translation does not provide the so-called objective interpretation.

Key words: interdisciplinarity, integrativity, realities, marker of discourse formation, translation theory, language theory, foreign cultural interpretation.

Современная лингвистика как междисциплинарная область гуманитарного направления приоритетно обращается к исследованиям, основанным на интеграцию таких теорий и направлений, как теория текста и дискурса, теория перевода как часть теории языка, лингвокультурология и межкультурная коммуникация. При этом проблемы теории перевода, на наш взгляд, должны рассматриваться в контексте проблем теории языка, поскольку теория перевода составляет часть теории языка, базируясь на общей методологии.

Актуальность статьи определяется интересом к общей проблеме вариативности перевода художественных текстов, в контексте которой могут найти решение частные вопросы, к примеру, касающиеся отдельных средств выражения, например, реалий, характеризующих конкретную лингвокультуру и формирующих адаптивный процесс межкультурной коммуникации. В процессе перевода художественного произведения, рассматриваемого нами как инокультурная интерпретация, перевод реалий порождает вопрос о необходимости выявления причин разночтений при существовании общих закономерностей интерпретации реалии.

Объект изучения – реалии в тексте романа «Доктор Живаго» Бориса Пастернака. Предметом исследования являются способы их трансляции в сравнительно-сопоставительном аспекте в двух вариантах переводческих решений. Цель работы – установить способы трансляции различных видов реалий как одного из дискурсообразующих элементов идиостилистики романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» в процессе инокультурной интерпретации. Задачами соответственно явились: определение понятия «реалия» в различных видах; рассмотрение приемов передачи реалий; выявление частотных видов реалий и специфики их реализации в инокультурной интерпретации. Решение задач проводилось посредством применения ряда методов: наблюдение и сплошная выборка, статистический метод, контекстуальный метод, комментирование, интерпретативный метод и дискурс-анализ.

Материал исследования представлен тремя текстами – исходным романом Бориса Пастернака «Доктор Живаго» на русском языке, а также текстами, выполненными двумя командами переводчиков, в каждой паре из которых по одному носителю русской и англоязычной лингвокультуры. М. Хэйуорд и М. Хэрари (1958), Р. Пивер и Л. Волохонская (2010).

Научная новизна характеризуется герменевико-интерпретативным подходом, впервые принятом в данной работе, с целью проанализировать реалии, рассматриваемые в качестве доминантных маркеров идиостиля Бориса Пастернака, при сравнительно-сопоставительном

анализе демонстрирующие неоднозначное переводческое решение в коллективно-авторской интерпретации.

Теоретическая значимость работы состоит в позиционировании процесса перевода реалий как процесса инокультурной интерпретации.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использования результатов на занятиях по теории и практике перевода, филологическому анализу, интерпретации художественного текста.

Методологическая основа работы представлена трудами, формирующими междисциплинарный характер исследования: по герменевике и проблемам текста, лингвокультурологии, теории перевода, в частности по вопросам интерпретации реалий (Г. И. Богин, А. Вежбицкая, С. Влахов и С. Флорин, В. С. Виноградов, В. В. Красных, Л. Л. Нелюбин, А. В. Федоров, А. Д. Швейцер, Л. В. Щерба и мн. др.).

Понимание художественного произведения другой культуры содержит механизм дешифровки национального культурного кода, частью которого является языковой код, представленный, прежде всего, национально-культурными реалиями, своеобразными трансляторами национального колорита [7]. Исходное условие понимания, не привязанное к инокультурному фону, представляет собой немаловажную проблему, изучение которой имеет солидную традицию в области филологической герменевтики, исследующей проблемы связи понимания и интерпретации через рефлексии [2]. Инокультурная интерпретация реалий знакового произведения как культурно значимого текста сопряжена с пониманием исходных смыслов, заложенных в них и механизмы феноменологической рефлексии и рефлексии нозматической, применяемой переводчиками представляют наиболее эффективные приемы вскрытия доминантных в исходной лингвокультуре глубинных смыслов [3].

Реалии – это слова и словосочетания в качестве носителей национально-исторического колорита, обозначающие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому. Обычно они, не имеющие эквивалентов в других языках, требуют особого подхода при переводе [6, с. 257]. Аналогичное определение, с привлечением терминов лингвокультурологии, находим у А.Д. Швейцера: реалии – единицы национально-языка, реферирующие к специфическим объектам, относящимся к одной лингвокультуре и отсутствующим в сопоставляемой лингвокультуре [16]. Дефиниция понятия связана с указанием на дифференцирующие критерии: предмет, место, время [5]. Перечисленные реалии актуализируются в таких реалиях-словах, как антропонимы; конкретные понятия; фразеологизмы, устойчивые фразы и выражения; абстрактные понятия; топонимы; историзмы и анахронизмы.

Таким образом, реалии как понятие определяются в двух ипостасях – «реалии-предметы» и «реалии-слова», между которыми и возникает проблема установления соответствий при переводе. При этом вводятся следующие элементы, формирующие понятие «реалия»: экстралингвистические факторы; слова/выражения, номинирующие предметы, понятия, ситуации, отсутствующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке; слова, выражающие национальную специфику [10, с. 170]. Грамотная адаптация национально-культурных реалий в литературном произведении, совершаемая переводчиком, обуславливает успешный диалог читателя с иноязычным автором. Данный процесс наиболее емко представлен в художественном переводе. При этом формулируются два основных вопроса: что и как мы переводим. «Что» связывается с проблемой единицы перевода; «как» ориентировано на средства их репрезентации. Выделение единиц перевода разных уровней (фонемы, морфемы, слова, словосочетания, предложения и тексты) зависит от (экстра)лингвистических факторов – профессионализма переводчика и специфики языков, участвующих в переводе. Единица перевода трактуется как: наименьшая единица исходного текста, имеющая соответствие в переводном тексте; может быть многосоставна, но ее отдельно взятые части не переводятся, ввиду отсутствия соответствий в тексте перевода [1]; шире она рассматривается как «отдельный абзац в его лингвистическом, лингвострановедческом, литературном или стилистическом определении» [12, с. 107]; это – «единица речи, требующая самостоятельного решения на перевод», среди которых «штампы, ситуационные клише, термины, пословицы и образные выражения» [9, с. 166]; для письменного перевода данной проблемы не существует, ввиду ее различного объема – от слова до текста, в зависимости от идеи, стиля, речевой характеристики персонажа [14]. Первоначальным понятием адаптационного свойства стал термин «эквивалент слова», введенный Л. В. Щербой, понимаемый как группа слов, обозначающая одно и то же понятие [18, с. 72].

Определение реалий как самостоятельных объектов перевода обуславливает наличие методов и приемов, необходимых для их трансляции из одного инокультурного текстового пространства в другое. Среди них – транслитерация, транскрипция, калькирование, полукалька, описательный перевод, трансформационный перевод. Транслитерация и транскрипция понимаемые как «материальное заимствование», заимствование в собственном смысле [8, с. 112], чаще всего применяются при трансляции антропонимов. Калькирование считается «наиболее приемлемым средством компенсации фразеологической лакунарности». При отсутствии возможности исполь-

зования калькирования, прибегают к описательному переводу [17, с. 178]. Полукалькирования – это фрагментарные заимствования, «состоящие частью из своего собственного материала, а частью из материала другого языка». Описательный перевод – самый распространенный способ; это – передача значения лексической единицы при помощи развернутых словосочетаний, эксплицирующих ее значение, то есть дающих более или менее полное объяснение или определение значения на ПЯ [16]. В случае искаженной рецепции, связанной с недопониманием читателем инокультурных реалий-слов, возникает необходимость во введении сносок с комментариями переводчика. Приблизительный перевод – один из способов трактовать безэквивалентную лексику, «родо-видовая замена, функциональный аналог и описание, объяснение, толкование» [5, с. 120]. Трансформационный перевод – межъязыковые преобразования при отсутствии эквивалента на лексико-грамматическом или текстовом уровне, способствующие полному изменению значения исходных слов [1]. Таким образом, виды и методы перевода в целом сформулированы и актуализируются на основе нежесткой оппозиции буквальный / свободный.

В контексте художественного перевода критике подвергались малейшие вольности при переводе, в котором звучало «Я» переводчика. Полагается, что с возникновением художественного перевода можно говорить о трех литературах – литературе исходного и принимающего языков и переводной, т.е. третьей литературе [16]. На наш взгляд, с учетом всех трудностей в процессе перевода как деятельности необходимо понимать статус переводной литературы в качестве третьей литературы как метафору, указывающую на сложность деятельности переводчика, что требует умения соблюдать все требования с учетом чувства меры.

Рассмотрим непосредственно, как реализуются теоретически охарактеризованные понятия на эмпирическом материале.

В произведении Бориса Пастернака «Доктор Живаго» реалии в силу их частотности в тексте, актуальности во всех трех позициях, относящихся к предметам, месту и времени, представляют особый интерес для лингвокультурологического исследования. Сложный процесс адаптации реалий в ходе инокультурной интерпретации, ведущих к неоднозначным решениям, свидетельствует о высокой лингвокультурной значимости и определенной специфичности исходного текста, в связи с этим они могут рассматриваться в качестве дискурсообразующих маркеров идиостиля писателя. В романе реалии репрезентированы весьма разнообразно: пища и напитки; одежда, обувь и головные уборы; жилье с внутренним убранством, транспорт и профессии; обычаи

и ритуалы; мифология и религия; мера и денежные знаки; общественно-политическая сфера – административно-территориальное устройство, звания, степени, титулы, обращения, учреждения.

Обратимся к контекстам, в которых представлены бытовые реалии с национальным колоритом. В первой части романа ночью маленький «Юра в одной рубашке подбежал к окну и прижался лицом к холодному стеклу» [13, с. 7]. Для инокультурного читателя (переводчика) слово «рубашка», понимаемая нами как «ночная рубашка», в качестве единицы перевода в одном случае представляет проблему. Рассмотрим толкование, данное Хейуордом и Хэрари (1958): “with nothing on but his shirt”, где рубашка – короткая (shirt), что вызывает недоумение. Пивер и Волохонская (2010) используют корректный вариант “night shirt” («ночная рубашка»), способствующий реализации адекватного оригиналу перлокутивного эффекта.

В романе часто встречаются упоминания национальных блюд и напитков. Так, традиционные для русского православия блюда «куличи» и «пасхи», Хэйуорд и Хэрари (1958) интерпретировали сочетанием описательного варианта и транскрипции: “kulich buns” и “paskha cakes”, а Пивер и Волохонская (2010) использовали лишь транскрипцию. В том же предложении «квашеную капусту» Хэйуорд и Хэрари интерпретировали посредством немецкого “sauerkraut”, известного английскому читателю. При этом в контекст привнесена иная культурная коннотация. С учетом того, что в этом же эпизоде дается описание солдат, недавно воевавших в Первой мировой войне против немцев, описательный вариант Пивера и Волохонской “pickled cabbage” («маринованная капуста») мы считаем предпочтительным и нивелирующим негативные обертоны в немецкоязычном варианте трансляции.

В позиции «виды труда и занятия» приведем следующий пример: слово «извозчик» в переводе 1958 года – “sleigh driver” («водитель саней»). Такой описательный вариант выглядит адекватно, поскольку в контексте оригинала речь шла о зиме и санках. Во втором варианте ему соответствует слово “cabby”, имеющее два значения: таксист и извозчик. Первый контекстуально-описательный вариант в силу лингвокультурной маркированности представляется лучшим решением, так как лексема “cabby” несет в себе дополнительные культурные коннотации, актуализирующие англоязычное восприятие (ср. cab).

Обращение как реалия – важная позиция для этого произведения, поскольку роман описывает период, когда из употребления постепенно начинают уходить старые формы обращения (сударь, сударыня, милостивый государь и т. д.) и вместе со сменой власти появляются новые формы обращения (гражданин, гражданка, товарищ). Ото-

бразить специфику смены подобных обращений – сложная задача для инокультурной интерпретации. Рассмотрим, к примеру, обращение «товарищ» в следующем контексте: доктор попросил портниху Тунцеву постричь Живаго после его дезертирства из партизанского отряда и долгого пешего пути в город Юрятин. Призывая Живаго сидеть неподвижно, она говорит: «Опять вы за свое, товарищ дорогой?» [13, с. 493]. Заметим, что обращение «товарищ» только начало входить в широкое употребление для обозначения марксистов, что не соответствовало личности Живаго в данный момент. При этом лексема «дорогой» вносит ласково-иронический характер в это обращение. Хэйуорд и Хэрари интерпретировали его как “my dear man” («дорогой мой человек»), используя лексику с широким значением, а Пивер и Волохонская – “dear comrade”, дословный вариант оригинала. В первом случае контекстуальный колорит утрачен. Во втором – он сохранен посредством использования со временем устоявшихся понятий. Определенные сложности могли возникнуть с фамильярным обращением к мужчине «батенька». В первом варианте ему соответствует “my dear fellow” («мой дорогой приятель»), в новом варианте ему соответствует “old boy” («старина»). В обоих случаях используется уподобление на семантическом уровне при потере стилистического, соответственно, национального колорита.

Сложность трансляции национального колорита демонстрируется на материале этнографических и мифологических реалий. Показателен пример образа юродивой оборванки, данного соответствующим словосочетанием: «У этого окна стоял церковный староста и громко на всю церковь, не обращая внимания на службу, вразумлял какую-то глуховатую юродивую оборванку, и его голос был того же казенного будничного образца, как окно и переулочек» [13, с. 78]. У Хэйуорда и Хэрари «юродивая оборванка» интерпретируется как “half-witted beggarwoman” («слабоумная попрошайка»). Используя описательный прием, они передали лишь негативную коннотацию, упустив важную часть национальной культуры. Тот же прием позволил Пиверу и Волохонской точнее передать семантику – “a ragged holy fool” («одетая в лохмотья святая дура/сумасшедшая»), при отсутствии значения национального компонента. Верное переводческое решение в данном случае, как и во многих других, возможно лишь при обращении к объяснению, комментированию. Такого же подхода требуют интерпретации божеств, сказочных существ, легендарных мест. Так, для передачи слова «богатырь» на английский язык Хэйуорд и Хэрари использовали слово с широким значением: “hero” («герой»). В варианте Пивера и Волохонской нет опущения, имя передано при помощи транскрипции: “Ha, ha, ha! A mighty

man! Ha, ha, ha! Eruslan Lazarevich!" [19, p. 111] («Ха-ха-ха! Могучий человек! Ха-ха-ха! Еруслан Лазаревич!») Слово «богатырь» здесь передано при помощи описательного варианта "mighty man", а также сноски с подробным объяснением истории этого героя народных сказок.

Ландшафт, пейзаж, животные и растения с национальным колоритом также представляют сложность для инокультурной интерпретации. В песне Кубарихи звучит строчка: «То все травушки-муравушки уплетаются...» [13, с. 366]. В варианте Хэйурда и Хэрари «травушка-муравушка» – лексическая единица с широким значением: "The grass" («трава»), у Пивера и Волохонской наблюдаем описательный вариант: "All the grassy masses" («все покрытые травой массы»). К сожалению, ни один из вариантов не может передать поэтичность народной песни, а словосочетание "grassy masses" скорее применительно для научного дискурса.

В романе «Доктор Живаго» описываются события, коренным образом изменившие общественный порядок в стране. В реальности государственно-административного устройства и общественной жизни запечатлена история России в начале XX века, поэтому на интерпретацию в этой категории стоит обратить особое внимание. Государственные учреждения советского периода знамениты своими сокращениями и аббревиатурами. Так, «райсовет» (районный совет) Хэйурд и Хэрари перевели как "borough council" («городской/районный совет»), используя калькирование. У Пивера и Волохонской – это "district soviet" («районный совет»), посредством калькирования и транскрипции.

Рассмотрим топонимы. Интересно предложение, в котором Пастернак перечисляет все города и села, через которые пролегал старый почтовый тракт. Это 12 названий самых разных типов населенных пунктов, среди которых – «город», «станция», «починок», «слобода», «станок», «заимка», «посад» и «село». В варианте 1958 это предложение опущено. Хотя из предыдущего предложения «Стояли города, села, станки» [13, с. 390], интерпретированного как "There were towns, villages, and Cossack settlements along the highway" [20, p. 376] («Вдоль дороги были города, деревни и казачьи поселения») понятен и общий смысл абзаца. В варианте 2010 года авторы как можно точнее приблизились к оригиналу. Типы населенных пунктов они перевели соответственно: "town" («город»), "the Cossack settlement" («казачье поселение»), "the hamlet" («селение, деревушка»), "the farmstead" («хутор; усадьба») и др. Названия переданы при помощи транскрипций: "Omelchino", "Pazhinsk", "Tysiatskoe" и др. Отметим, что перечисления в тексте оригинала нужны автору не для документальности, а для создания художественного эффекта и национального коло-

рита. Передавая этот абзац при помощи транскрипции, Пивер и Волохонская сохраняют фактуальную информацию, но не способны передать национальный колорит, поскольку англоязычный читатель не может увидеть внутренних форм этих названий. Два варианта решения представляют собой два удаленных друг от друга выбора.

Особую сложность при инокультурной интерпретации могут представлять русские имена как по причине наличия отчеств, но и по причине многообразия уменьшительно-ласкательных форм, образованных посредством различных суффиксов [4]. Так, в следующем примере наблюдаем три варианта имени «Иннокентий»: «Она обожала Нику и из его имени Иннокентий делала кучу немыслимо нежных и дурацких прозвищ вроде Иночек или Ноченька и возила его показывать своей родне в Тифлис» [13, с. 37]. Представляем их в следующем порядке: оригинал – вариант Хэйурда и Хэрари – вариант Пивера и Волохонской: «Ника» – "Nika" – "Nika", «Иннокентий» – "Innokentii" – "Innokenty", «Иночка» – "Inochek" – "Inochka", «Ноченька» – "Nochenka" – "Nochenka". В них отмечаем некоторые различия в транскрипции, связанные с изменившейся традицией. В одном случае возникает вопрос с падежом и числом слова «Иночка», употребленного в род. падеже мн. ч. – «Иночек». Однако Хэйурд и Хэрари восприняли единицу перевода в именительной форме, подобно традиционным польским именам. В целом следует заметить, что при транскрипции теряются дополнительные коннотации, придающие, как правило, этим именам уменьшительно-ласкательные суффиксы.

Обобщим результаты наблюдения и сравнительно-сопоставительного анализа двух инокультурных интерпретаций оригинального текста. В первом случае вариант Макса Хэйурда и Мани Хэрари отличается более частым употреблением нейтральной лексики, чем в оригинале, полным просторечий. Многие из русских реалий передаются либо при помощи лексики с широким значением, либо посредством описания, реже – уподобления, что позволяет инокультурному читателю лучше воспринимать текст, при потере значительной части национально-культурной информации. Переводчики осуществляют также опущение важных для художественного замысла предложений, абзацев, что неприемлемо при адекватном переводе. Во втором случае использование транскрипции и калькирования во многом позволяет Ричарду Пиверу и Ларисе Волохонской приблизить свой вариант к оригиналу. При этом далеко не во всех случаях используются сноски, что значительно затрудняет понимание текста, а скрупулезное следование тексту оригинала иногда приводит к чрезмерному буквализму, что делает английский текст неестественным и сложным для понимания. Однако следует признать, что именно

введение в пространство повествования подобных маркеров формирует единое дискурсивное пространство, репрезентирующее лингвокультуру как доминантный бэкграунд исходного и переводного текстов.

Таким образом, проблема актуализации реалий выявляется при инокультурной интерпретации в нескольких ипостасях:

- 1) в процессе перевода с ИЯ на ПЯ профессиональным переводчиком;
- 2) при сравнительно-сопоставительном анализе результата этих интерпретаций;
- 3) в прогнозируемом восприятии реакции заинтересованного инокультурного читателя, учитывая фигуру автора оригинального текста, его роль в мировом литературном процессе.

Исходя из интегрированности названных позиций, проблему перевода целесообразно рассматривать как проблему инокультурной интерпрета-

ции, в результате которой адекватная рецепция новых текстов, данных в ПЯ, будет обусловлена учетом принципа междисциплинарных связей направлений, формирующих как область теории языка, так и область различных концепций гуманитарного знания.

Сравнительно-сопоставительный анализ двух переводов романа Бориса Пастернака указывает на причины разночтений исходного текста при интерпретации реалий. Несмотря на, казалось бы, равнозначный статус переводчиков относительно их языковой компетенции, реалии в их интерпретациях актуализируются по-разному. В инокультурной интерпретации, таким образом, значение приобретает весь когнитивный опыт переводчика, включая особенности восприятия фактов действительности, которые, в свою очередь, должны не только адекватно транслироваться, но и восприниматься читателем – целевым участником художественного дискурса.

Литература

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Изд-во ЛКИ, 2014. 240 с.
2. Богин Г. И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. Тверь: Психология и Бизнес, 2001. 731 с.
3. Бредихин С. Н. Схемопостроение в рамках метаединиц герменевтического процесса понимания и интерпретации. Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 458. URL: <http://www.scienceeducation.ru/ru/article/view?id=13920> (Дата обращения: 21.01.2020).
4. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
5. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: ИОСО РАО, 2001. 224 с.
6. Влахов С. И. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 344 с.
7. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
8. Маслов Ю. С. Введение в языкознание: Учеб. для филол. спец. вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1987. 272 с.
9. Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком? М.: Готика, 1999. 176 с.
10. Нелюбин Л. Л. Толковый переводческий словарь 5-е изд. М.: Флинта, 2016. 320 с.
11. Огнева Е. А. Художественный перевод: проблемы передачи компонентов переводческого кода: Монография. М.: Эдитус, 2012. 234 с.
12. Ольховников Д. Б. Проблемы адекватной передачи языковых единиц текста при переводе. Семантика текста и проблемы перевода. М.: АН СССР ИЯ, 1984. С. 103 – 112 с.
13. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. М.: Эксмо, 2010. 704 с.
14. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Библиотека лингвиста, 2007. 244 с.
15. Садыкова М. Г. Социо- и лингвокультурологические проблемы адаптации коннотативных единиц языка в тексте. Проблемы культурной адаптации текста. Воронеж: Центр «Русская словесность», 1999. 278 с.
16. Чайковский Р. Р. Реальности поэтического перевода (типологические и социологические аспекты). Магадан: Кордис, 1997. 197 с.
17. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
18. Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1958. 180 с.
19. Pasternak B. Doctor Zhivago. Translated from the Russian by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. New York: Vintage, 2010. 675 p.
20. Pasternak B. Doctor Zhivago. Translated from the Russian by Max Hayward and Manya Harari. New York: Pantheon Books, Inc., 1958. 592 p.

References

1. Barhudarov L. S. Yazyk i perevod. Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda (Language and translation. Problems of the general and specific theory of translation). Moscow: LKI publ., 2014. 240 p. (In Russian).
2. Bogin G. I. Obretenie sposobnosti ponimat': Vvedenie v filologicheskuyu hermenevtiku (Attainment of understanding skill: Introduction to philological hermeneutics). Tver', 2001. 731 p. (In Russian).
3. Bredikhin S. N. Skhemopostroenie v ramkakh metaedinit germenevticheskogo protsessa ponimaniya i interpretatsii (Scheme derivation within metaunits of hermeneutic processes of understanding and interpretation) // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya (Modern problems of science and education). 2014. No. 4. URL: <http://www.scienceeducation.ru/ru/article/view?id=13920> (Accessed: 21.01.2020). (In Russian).

4. Vezhbickaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie (Language. Culture. Noesis). Moscow: Russkie slovari, 1997. 416 p. (In Russian).
5. Vinogradov V. S. Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy) (Introduction to translation science (general and lexical questions). Moscow: IOSO RAO, 2001. 224 p. (In Russian).
6. Vlahov S. I. Neperevodimoe v perevode (Untranslatable in translation). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980. 344 p. (In Russian).
7. Krasnyh V. V. Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya: Kurs lekcij (Ethno psycholinguistics and linguoculturology: lecture course). Moscow: Gnozis, 2002. 284 p. (In Russian).
8. Maslov YU. S. Vvedenie v yazykoznanie (Introduction to linguistics). 2nd izd., pererab. i dop. Moscow: Vysshaya shkola, 1987. 272 p. (In Russian).
9. Min'yar-Beloruichev R. K. Kak stat' perevodchikom? (How to become a translator?). Moscow: Gotika, 1999. 176 p. (In Russian).
10. Nelyubin L. L. Tolkovyj perevodcheskij slovar' (Translation defining dictionary). Moscow: Flinta, 2016. 320 p. (In Russian).
11. Ogneva E. A. Hudozhestvennyj perevod: problemy peredachi komponentov perevodcheskogo koda (Literary translation: problems of transferring of translation code components). Moscow: Editus, 2012. 234 p. (In Russian).
12. Ol'hovnikov D. B. Problemy adekvatnoj peredachi yazykovykh edinic teksta pri perevode (Problems of adequate transferring of language textual units by translation process) // Semantika teksta i problemy perevoda (Text semantics and problems of translation). Moscow: AN SSSR IYA, 1984. P. 103–112. (In Russian).
13. Pasternak B. L. Doktor Zhivago (Doktor Zhivago). Moscow: Eksmo, 2010. 704 p. (In Russian).
14. Recker YA. I. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika (Translation theory and praxis). Moscow: Biblioteka lingvista, 2007. 244 p. (In Russian).
15. Sadykova M. G. Socio- i lingvokul'turologicheskie problemy adaptatsii konnotativnykh edinic yazyka v tekste (Social- and linguoculturological problems of connotative language units adaptation within text) // Problemy kul'turnoj adaptatsii teksta (Problems of cultural txt adaptation). Voronezh: Russkaya slovesnost', 1999. 278 p. (In Russian).
16. Chajkovskij R. R. Real'nosti poeticheskogo perevoda (tipologicheskie i sociologicheskie aspekty) (Poetic translation realities (typological and sociolinguistic aspects). Magadan: Kordis, 1997. 197 p. (In Russian).
17. Shvejcer A. D. Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty (Translation theory: status, problems, aspects). Moscow: Nauka, 1988. 215 p. (In Russian).
18. Shcherba L. V. Izbrannye raboty po yazykoznaniiyu i fonetike (Selekt in linguistics and phonetics). Leningrad: LSU publ., 1958. 180 p. (In Russian).
19. Pasternak B. Doctor Zhivago. Translated from the Russian by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. New York: Vintage, 2010. 675 p.
20. Pasternak B. Doctor Zhivago. Translated from the Russian by Max Hayward and Manya Harari. New York: Pantheon Books, Inc., 1958. 592 p.

Сведения об авторе

Шатских Марина Викторовна – соискатель кафедры французской филологии Кубанского государственного университета (Краснодар) / marineska.simf@gmail.com

Information about the author

Shatskih Marina – applicant, Chair of French Philology, Kuban State University (Krasnodar) / marineska.simf@gmail.com